

Урок 3

ПОЛНОТА НОВОЗАВЕТНОГО ОТКРОВЕНИЯ И РАЗВИТИЕ ДОГМАТИЧЕСКОЙ НАУКИ

Методические указания к уроку № 3

В силу полноты Откровения, данного во Христе, и в силу тождественности опыта святых всех эпох никаких новых Откровений или новых вероучительных истин, неизвестных Церкви, не может появиться. Всякие ожидания «новых заветов» и новых пророчеств навсегда осуждены Апостолом: «...Если бы даже мы или Ангел с Неба стал благовествовать вам не то, что мы благовествовали вам, да будет анафема» (Гал. 1, 8).

Среди истин христианской религии догматы веры имеют первостепенное значение, так как они содержат в себе учение о Боге и Домостроительстве человеческого спасения и таким образом выражают самое существо христианской религии.

Все другие христианские истины: нравственные, литургические, канонические – получили свое значение в зависимости от признания догматов, в которых имеют для себя и точку опоры. Такое значение усваивается догматам как Откровением, так и Церковью. Господь Иисус Христос призывал людей к вере в Бога, говоря: «Веруйте в Бога и в Мя веруйте» (Иоан. 4,1).

Цель урока: изложить теорию догматического развития; раскрыть понятие о Церкви, о догматах.

Разобрать и запомнить следующие понятия: догмат, канон.

В силу того, что Бог открывается, являет Себя человеку, становится возможным богопознание. Но не все было сразу открыто. Апостол Павел пишет: «Бог, многократно и многообразно говоривший издревле отцам в пророках, в последние дни сии говорил нам в Сыне» (Евр. 1, 1-2). В Ветхом Завете Бог постепенно открывал через пророков план спасения человечества и истинное ведение о Себе. Причем Он открывал истину не прямо, а во многих образах, приспособившись к способности восприятия людей. Святитель Василий Великий пишет, что «Домостроитель нашего спасения вводит нас, подобно глазу человека, выросшего во тьме, в великий свет истины после постепенного к нему приучения, потому что щадит нашу немощь... Приучая (нас) сперва видеть тени предметов и в воде смотреть на солнце, чтобы, приступив вдруг к зрению чистого света, мы не ослепели. На этом-то основании и придуман Закон, являющийся тенью будущих благ (Евр. 10, 1), и предображения у про-

роков – эти гадания истины, для обучения очей сердечных, чтобы удобным для нас сделался переход от них к мудрости в тайне сокровенной» [1].

Явление Бога во плоти проясняет смысл ветхозаветных прообразов. Христос раз и навсегда открыл верующим все необходимое для их спасения. Он возвестил Апостолам все, что слышал от Отца (Ин. 15, 15). Святой Дух, сошедший на Апостолов в день Пятидесятницы, не сообщил им какого-либо нового откровения, а только напомнил им то, чему ранее учил Христос. Дух Истины наставил учеников на всякую истину (Ин. 14, 26). Апостолы, в свою очередь, возвестили Церкви всю волю Божию (Деян. 20, 27). По словам святого Иринея Лионского, «Апостолы, как богач в сокровищницу, вполне положили в Церковь все, что относится к истине, и вверили ее епископам» [2]. Дух Святой, наставлявший Апостолов, по обетованию Спасителя, пребудет с верными вовек (Ин. 14, 16). В Церкви «непрерывно живет по своему существу то же религиозное сознание, какое лежало в основе жизни христиан первенствующей Церкви, равно как не прерывается и тот дух веры, которым прониклись они и руководились в уразумении истин веры» [3].

В силу полноты Откровения, данного во Христе, и в силу тождественности опыта святых всех эпох, никаких новых Откровений или новых вероучительных истин, неизвестных Церкви, не может появиться. Всякие ожидания «новых заветов» и новых пророчеств навсегда осуждены Апостолом: «...Если бы даже мы или Ангел с Неба стал благовествовать вам не то, что мы благовествовали вам, да будет анафема» (Гал. 1, 8).

Теория догматического развития

Неизменность и полноту Божественного Откровения, пребывающего в Церкви, признают не только православные, но и римо-католики и большая часть протестантов. Однако, согласно мнению большинства западных богословов, многое из этой полноты остается Церкви неизвестным или, по крайней мере, неясно осознается ею до тех пор, пока развитие догматического учения не рассеет неясности предшествовавшего церковного сознания [4]. Эта теория, получившая название «теории догматического развития», является сравнительно новой. Она появилась в середине XIX века. Ее автор – кардинал Ньюман. С помощью данной теории легко оправдать догматические нововведения Рима, чуждые древней Вселенской Церкви, каковы, например, догматы о *filioque* (об исхождении Святого Духа и от Сына), о чистилище, о непорочном зачатии Божией Матери, о главенстве и непогрешимости папы *ex cathedra* и т. д.

¹ Св. Василий Великий. О Святом Духе, гл. 14, цит. по: еп. Сильвестр. Опыт Православного Догматического богословия. Т. 1. Киев, 1892. С. 32.

² Св. Иринея Лионский. Против ересей. Кн. 5. Гл. 20, § 1 // Сочинения. 2-е изд. Спб., 1900. С. 331.

³ Еп. Сильвестр. Указ. соч. С. 17.

⁴ New Catholic Encyclopedia. New York, 1967. Vol. 4. P.940-944.

Если согласиться с западным пониманием догматического развития, то следует признать, что апостольская община знала о Боге меньше последующих христиан. Но это неверно, потому что Христос возвестил ученикам все, что слышал от Отца (Ин. 15, 15), т. е. полноту истины. Эту полноту ведения Церковь хранит с апостольских времен. «Если до сошествия Святого Духа и было некое возрастание в познании Божественных тайн, некое постепенное раскрытие Откровения, как, «Свет, приходящий мало-помалу», – пишет В. Лосский, – то со дня Пятидесятницы «Дух среди нас», и поэтому для всех поколений христиан предоставлена равная возможность «познавать Истину в той полноте, которую не может вместить мир» [1].

И, вместе с тем, в Церкви продолжается развитие догматической науки в смысле все более точного выражения в слове познанной Истины. Возможно и в дальнейшем появление новых, более совершенных разработок по отдельным вопросам вероучения или целых догматических систем. Сокровищница богословской науки на протяжении истории Церкви обогащается новыми плодами святоотеческой мысли. Например, в IV веке еще не существовало сочинений преподобного Симеона Нового Богослова и святого Григория Паламы. Однако человеческое слово о Боге не прибавляет ничего существенно нового к полноте Откровения и ведения Церкви. Например, Церковь всегда исповедала Божество Христа как истину Откровения, но только в IV в. эта истина была сформулирована догматически. Таким образом, заслуга богословской мысли в том, что она способна сформулировать то, что раньше постигалось в Откровении, но не имело совершенно точного словесного выражения.

Развитие догматической науки святой Викентий Лиринский сравнивает с развитием человеческого организма: «Религия – дело души, пусть уподобляется в этом отношении телу, – говорит он. – С приращением лет тела раскрывают и развивают члены свои, однако остаются теми же, чем были. Цветущая пора детства, зрелый возраст и старческий между собой весьма различны, однако стариками делаются те же самые, которые были прежде детьми, так что хотя рост и наружность одного и того же человека изменяются, тем не менее, природа его остается одна и та же. Такому закону преуспевания должно следовать и догматическое учение христианской религии. Пусть оно с годами укрепляется, со временем расширяется, с веком возвышается, но остается нерушимым и неповрежденным, целым и совершенным, без всякой утраты в своем содержании, без всякого изменения своих определений» [2].

---

¹ В. Лосский. Предание и предания // ЖМП. 1970. № 4. С. 72.

² Св. Викентий Лиринский. Наставление, 1 п. 722. Цит. по: еп. Сильвестр. Указ. соч. Т. I. С. 36-37. (Текст Наставления в сокращении опубликован в кн. проф. Н. Чельцова: Древние формы Символа веры. СПб., 1869. С. 152-184).

ПОНЯТИЕ О ЦЕРКВИ, КАК ХРАНИТЕЛЬНИЦЕ БОЖЕСТВЕННОГО ОТКРОВЕНИЯ.

Церковь как союз любви

«Отче Святый, соблюди их во имя Твое, ихже дал еси Мне, да будут едино, якоже и Мы. Не о сих же молю токмо, но и о верующих словесе их ради в Мя: да все едино будут: якоже Ты, Отче, во Мне, и Аз в Тебе, да и тии в Нас едино будут» (Ин. 17, 11, 20, 23), – в этих словах первосвященнической молитвы Христа ясно определена сущность всего христианства: христианство не есть какое-либо отвлеченное учение, которое принимается умом и держится каждым порознь. Нет, христианство есть жизнь, в которой отдельные личности настолько объединяются между собою, что их единение можно уподобить единству Лиц Святой Троицы. Ведь Христос не молился о том только, чтобы сохранилось Его учение, чтобы оно распространилось по всей вселенной. Он молился об единстве всех верующих в Него. Христос молился Своему Небесному Отцу об устройении или, лучше сказать, о воссоздании на земле природного единства всего человечества. Человечество создано единым (Деян. 17, 26). «У людей, – пишет св. Василий Великий, – не было бы ни разделения, ни раздоров, ни войны, если бы грех не рассек естества... И это главное в Спасителевом домостроении во плоти – привести человеческое естество в единение с самим собою и с Спасителем и, истребив лукавое сечение, восстановить первобытное единство, подобно тому как наилучший врач целительными врачевствами вновь связывает тело, расторгнутое на многие части».

Вот такое-то единение человеческих личностей – не апостолов только, но и всех верующих во Христа, – и образует Церковь. Среди земных предметов не нашлось ни одного, с которым можно было бы сравнить новое общество спасенных людей. На земле нет единства, с которым можно было бы сравнить единство церковное. Такое единство нашлось только на Небе. На Небе несравненная любовь Отца, Сына и Духа Святого соединяет Три Лица во едино Существо, так что даже не Три Лица, но Единый Бог, живущий триединой жизнью. К этой же любви, которая многих могла бы слить воедино, призваны и люди, о чем и Христос молился Отцу Небесному: *Да любы, еюже Мя еси возлюбил, в них будет* (Ин. 17, 26).

В приведенных словах Христа истина Церкви поставлена в самую тесную связь с тайной Пресвятой Троицы. Люди, вступившие в Церковь и возлюбившие ее, подобны Трем Лицам Пресвятой Троицы, которых Их любовь соединяет во едино существо. Церковь есть как бы единосущие многих лиц, создаваемое нравственным началом любви. Эту именно мысль в приведенных словах первосвященнической молитвы Христа Спасителя усматривают весьма многие из св. отцов и учителей Церкви: св. Киприан Карфагенский,

св. Василий Великий, св. Григорий Нисский, св. Амвросий Медиоланский, св. Иларий Пиктавийский, св. Кирилл Александрийский и св. Иоанн Кассиан.

Так, св. Киприан Карфагенский пишет: «Господь, внушая нам, что единство происходит от Божественной власти, утверждает и говорит: *Аз и Отец едино есма* (Ин. 10, 30) – и, направляя Свою Церковь к такому свойству, прибавляет: *и будет едино стадо и един пастырь* (Ин. 10, 16)». А в своем сочинении «О молитве Господней» тот же св. отец говорит: «Не довольствуясь тем, что искупил нас Своей кровью, Он (Господь) еще и просил за нас! А прося, – смотрите, какое Он имел желание: да и мы пребываем в том самом единстве, в каком Отец и Сын едино суть».

А вот что пишет св. Кирилл Александрийский: «В пример и образ нераздельной любви, согласия и единства, мыслимого в единосущии, Христос, взяв существенное единство, какое Отец имеет с Ним, а Он со Своей стороны с Отцом, – желает объединиться некоторым образом и нам друг с другом, очевидно, так же, как Святая и Единосущная Троица, так что одним мыслится все тело Церкви, восходящей во Христе через слитие и соединение двух народов в состав нового совершенного. Образ Божественного единства и существенное тождество Святой Троицы, как и совершеннейшее взаимопроникновение, должно находить отражение в единении единомыслия и единой души верующих». Св. Кирилл показывает и «природное единство, коим мы друг с другом и все с Богом связываемся, быть может, не без единства телесного».

В своей прощальной беседе Христос говорил ученикам: *Заповедь новую даю вам, да любите друг друга: якоже возлюбих вы, да и вы любите себе. О сем уразумеют вси, яко Мои ученицы есте, аще любовь имате между собою* (Ин. 13, 34–35). Вот это и есть новое начало церковного единения.

Христос уподоблял церковное единство единству дерева и его ветвей (Ин. 15, 1–2). Сравнение Церкви с деревом есть и у апостола Павла (Рим. 11, 17–24), но наиболее часто апостол Павел называет Церковь *телом*. Уже самое название Церкви *телом* указывает на ее единство, – ибо два тела органически между собою связаны быть не могут, – а также и на особый характер объединения входящих в состав Церкви членов. *Мнози*, т. е. все входящие в Церковь, составляют *едино тело есмы о Христе, а по единому друг другу уди* (Рим. 12, 5). *Тело несть един уд, но мнози. Аще речет нога, яко несь рука, несь от тела: еда сего ради несть от тела? И аще речет ухо, яко несь око, несь от тела: еда сего ради несть от тела? Положи Бог уди, единаго коегождо в телеси, якоже изволи* (1 Кор. 12, 14–16, 18). *Во едином телеси мнози уди имама, уди же вси не тожде имут делание* (Рим. 12, 4). *Не может же око рещи руце: не тебе ми еси, или паки глава ногама: не тебе ми есте. Бог раствори тело, худейшему большу дав честь: да не будет распри в телеси, но да тожде в себе пекутся уди. И аще страждет един уд, с ним*

страждут вси уды: аще ли же славится един уд, с ним радуются вси уды (1 Кор. 12, 21, 24–26).

Сам Христос говорил, что, кто не родится водою и Духом, не может войти в Царствие Божие (Ин. 3, 3), – нужно быть рожденным от Духа (Ин. 3, 6, 8). И когда апостол Павел говорит об единении людей в Церкви, он всегда говорит о Духе Святом, как об источнике этого единения.

«Что такое единение Духа?» – спрашивает св. Иоанн Златоуст и отвечает: «Как в теле дух все объемлет и сообщает какое-то единство разнообразию, происходящему от различия членов телесных, так и здесь – чтобы объединять людей, неодинаковых между собою по происхождению и по образу мыслей. Этими словами (*един дух*) Он хотел побудить к взаимному согласию, как бы так говоря: так как вы получили одного Духа и пили от одного источника, то между вами не должно быть раздоров».

По Апостолу, вся жизнь церковная есть проявление именно Святого Духа Божия; всякое проявление любви, всякая добродетель есть действие дарования Духа. Все производит один и тот же Дух. Люди, по выражению ап. Петра, лишь строители многообразной благодати (1 Пет. 4, 10). Дух Божий, проникающий Собою все тело Церкви, подающий всем членам этого тела различные дарования, и делает возможной для человечества новую жизнь. Он-то и соединяет именно тем, что вливает в сердца любовь, которая в естественном состоянии человека не может быть принципом его жизни и его отношения к другим людям.

Любы от Бога есть (1 Ин. 4, 7) – это изречение апостола Иоанна можно назвать как бы общей темой целого ряда апостольских рассуждений. Любовь называется Божией. Любовь Христова объемлет членов Церкви (1 Кор. 5, 14). Господь исправляет сердца всех в любовь Божию (2 Фес. 3, 5). Любовь – плод Духа (Гал. 6, 22). Любовь Божия излита в сердца наши Духом Святым, данным нам (Рим. 5, 5). Бог спас нас обновлением Духа Святого, Которого излил на нас обильно через Иисуса Христа, Спасителя нашего (Тит. 3, 5).

Таким образом, в Церкви живущий Дух Святой дает каждому члену Церкви силы быть новой тварью, в жизни своей руководиться любовью. Учение апостола Павла о Церкви неразрывно связано с его учением о любви как начале христианской жизни. На эту связь указывают и святые отцы Церкви.

Так, блаженный Феодорит об апостольском сравнении Церкви с телом пишет: «Уподобление сие прилично учению о любви». И св. Иоанн Златоуст, толкуя слова *едино тело*, говорит: «Павел требует от нас такой любви, которая бы связывала нас между собою, делая неразлучными друг от друга, и такого совершенного единения, как бы мы были членами одного тела, потому что только такая любовь производит великое добро».

Читая послания апостола Павла, можно заметить, что о Церкви и о любви он говорит обыкновенно рядом, и это потому, что у апостола обе эти идеи неразрывно связаны между собою. Вся христианская мораль у апостола зижд-

дется на догматическом учении о Церкви. Так, в последних главах Послания к римлянам апостол подробно говорит о христианской нравственности. Эта речь начинается с 9-го стиха 12-й главы, а в пяти предыдущих (4–8) стихах апостол кратко изложил учение о Церкви как о теле. В Первом послании к коринфянам за учением о Церкви, изложенным в 12-й главе, непосредственно следует «новозаветная песнь любви» (1 Кор. 12, 31–13, 13).

Итак, учение Христа есть учение не только о воссоздании отдельной нравственной личности, но и о воссоздании совершенной общности, т. е. о Церкви. В Церкви живущий Дух Божий дает силы для осуществления христианского учения в жизни, и учение это есть учение о любви, ибо любовь начало связующее, а не разъединяющее. Вне Церкви и без Церкви невозможна христианская жизнь. Без Церкви остается только одно христианское учение. Христианская жизнь есть жизнь церковная. Только в жизни Церкви может жить и развиваться отдельная личность. В телесном организме отдельные члены никогда не растут и не развиваются отдельно друг от друга, а всегда только в связи со всем организмом. То же и в Церкви. Возрастание Церкви есть в то же время и возрастание ее отдельных членов.

Обособиться, замкнуться в себя – это для личности или даже для поместной Церкви то же, что для луча отделиться от солнца, для ручья – от источника, для ветви – от ствола. Жизнь духовная может быть только при органической связи со Вселенской Церковью; порвется эта связь – иссякнет и жизнь христианская, благодатная.

Церковь есть столп и утверждение истины

Церковь Христова непогрешима; она Святая, Соборная, Апостольская, Православная.

1. Истинная Церковь Православная исповедует Никео-Цареградский Символ: «Верую во едину, Святую, Соборную и Апостольскую Церковь».

2. Истинная Церковь сохраняет чистое проповедание слова Божия, истолкование Св. Писания и Св. Предание.

3. Православная Церковь неизменно сохраняет непогрешительное учение древней Церкви Вселенской и во всем пребывает верною. Это ясно указывается самим наименованием Церкви нашей, которым она отличает себя от прочих, – Церкви Православной, т. е. правоверующей. И это начало есть самое основное и имеет наибольшую важность для всех в определении истинности Церкви.

Непогрешимое учение древней Церкви Вселенской выражается в общеизвестных вероопределениях Вселенских Соборов и в единогласном учении всех св. отцов Церкви. Поэтому не оставляется никакого места произволу как-нибудь намеренно перетолковывать это учение, ибо все вероопределения Вселенских Соборов точны и строги даже в словах и единогласное учение всех св. отцов о каком-либо предмете никогда не может иметь более одного

смысла. Определять истинный смысл Св. Писания и Св. Предания безошибочно, непререкаемо, разрешать окончательно вопросы, касающиеся предметов веры может только голос Церкви Вселенской, которую Сам Господь поставил быть хранительницей и истолковательницей Его слова. Именно ей принадлежит право верного судьи при решении вопроса о православии той или другой частной Церкви.

Из всех ныне существующих церквей только одна Восточно-православная Церковь, по завещанию Церкви Вселенской, всецело сохранила, без малейшего изменения, прибавления и убавления, Никео-Цареградский Символ и все вообще вероопределения древних семи Вселенских Соборов. Поэтому **Восточно-православная Церковь является истинно православной Церковью.**

Хотя, в принципе, Церковь *не от мира сего*, но она предназначена пребывать в мире (Ин. 17, 11, 15) и охватить вселенную (экумени) проповедью Божественной Истины. Христова Церковь имеет такое вселенское предназначение потому, что призвана возвещать Истину, открытую нам Спасителем. Истина вселенская и должна быть вселенской. Заблуждения, ереси, лжеучения, хотя и распространяются в мире, не могут претендовать на вселенскость, ибо ложь есть нечто отрицательное, а потому не имеет законного права навязывать себя всей вселенной.

В качестве носительницы истины, предназначенной для всего мира, Христова Церковь была вселенской с момента своего основания, когда она состояла всего из 120 душ (Деян. 1, 16), возглавляемых 12 апостолами. На них была возложена Христом вселенская миссия – распространять истину Христова Евангелия по всей земле: *Шедше убо научите вся языки, крестяще их во имя Отца и Сына и Святаго Духа* (Мф. 28, 19).

Распространение правой веры по всей вселенной было предсказано еще в Ветхом Завете: *Во всю землю изыде вещание их, и в концы вселенныя глаголы их* (Пс. 18, 5). Это пророчество не может относиться к ересям и лжеучениям, а лишь к православной вере, ибо она одна преподает без всяких искажений Богооткровенную спасительную Истину.

Понятия «вселенскости» и «православности» отождествлялись одно с другим с самого раннего христианского времени. И уже с тех пор Св. Церковь говорит о «вселенской вере» в смысле «православной веры». Это явствует между прочим из «Мученичества св. Поликарпа» (II век), где в обращении стоит: «Божия Церковь в Смирне к Божией Церкви в Филомелии и ко всем общинам в мире, принадлежащим ко Святой Вселенской Церкви». Греческий богослов проф. И. Анастасиу пишет: «То, что было вселенским (экуменикон), то было православным (ортодоксон). Тот, кто не был православным, отсекался от Вселенской, т. е. Соборной Церкви и отвергался ею».

Православные христиане везде и всегда – как в прошлом, так и ныне – чувствовали себя едиными именно благодаря единой вере, хранящейся в

Православной Церкви. Как писал св. Василий Великий, благодаря установленным св. отцами общим символам веры, исповедуемым братьями каждой поместной Церкви, они «от одного до другого конца вселенной, во всех находили себе отцов и братьев».

Три святителя – Василий Великий, Григорий Богослов и Иоанн Златоуст – названы в тропаре «Вселенскими учителями», ибо просвещали мир православным учением.

Вселенские Соборы означают Православные Соборы не потому только, что в них участвовали представители всего тогдашнего христианского мира, а прежде всего потому, что они защищали и утверждали православную истину, проповедуемую вселенским Православием, и ниспровергали ереси и лжеучения. По словам св. Иоанна Златоуста, «Церковь есть столп вселенной». Она – вселенская, так как защищает истину, которая есть и должна быть вселенской.

Следовательно, прилагательное «вселенский» в отношении к Церкви имеет не столько количественный и географический, сколько качественный и духовно-вероисповедный смысл. Хотя Вселенская Церковь и не охватывает вселенную географически, это ей вовсе не мешает быть вселенской в сущностном, духовно-догматическом смысле, согласно своему назначению. И, наоборот, хотя иногда ересь больше распространена, чем Православие, – как это было, например, в IV веке при арианстве и позже при иконоборчестве, – однако никогда ересь не может быть вселенской по той простой причине, что она распространяет заблуждения.

В «Основных началах Православия» написано: «С точки зрения учения Православной Церкви догмат о непогрешимости Церкви совершенно разумен и может быть принимаем самою притязательною философиею; в сущности он сводится на достоверное свидетельство, непременно износимое христианским обществом о том учении, которое Христос и апостолы сообщили этому обществу. Достоверность этого свидетельства подтверждается, как исторический факт, непрерывными свидетельскими показаниями, которые начинаются и связываются друг с другом от первого века до наших дней. Подобного рода свидетельство до такой степени несомненно, что для опровержения его надобно было бы отвергнуть всю историю, потому что нет другого исторического факта, столь непрерывно продолжающегося, как свидетельство всего этого общества, общества живого во все эпохи и непрерывно утверждающего принимаемое им учение... Поистине прекрасное зрелище представляет Православная Церковь своим удивительным постоянством в учении! Она видела многие споры; она выдержала многочисленные вражьи нападения; она подвергалась неслыханным жестокостям и преследованиям... Но и в несчастьи и в поругании, как и во дни славы, она сохранила свое учение: ее основные начала остались тождественными с началами истинного христианства. Она и в

наши дни может предложить еретическим “церквам” свое прекраснейшее учение, какое мир когда-либо слышал!»

Как столп и утверждение истины, Св. Православная Церковь неизменно предана той догматической вере, которую унаследовала от Самого Господа Иисуса Христа и Его святых апостолов и которую она утвердила на Вселенских и признанных Поместных Соборах. Это догматическое наследие, которое Св. Церковь восприняла от Спасителя и усвоила от Его непосредственных учеников, составляет незыблемую и твердую основу (ср. Лк. 1, 4), на которой она пребывает на протяжении веков всегда неизменной и неделимой.

Православная Церковь есть твердыня против всяких заблуждений на идеологически-догматической почве; она донныне хранит Истину, в которую верует для спасения (2 Фес. 2, 13), и будет хранить ее до скончания мира, дабы могли истинные чада Божии и в последние времена – времена антихриста – на основании ее отличить истину от заблуждения. Таким образом Православная Христова Церковь будет помогать всем искренне желающим обрести истину во времена всеобщего отступления (2 Фес. 2, 3), с тем чтобы они не поддавались бы хитросплетенному обманному учению супротивника Христова, а в обстановке всеобщей измены Христу пребывали бы верными своему Господу и Спасителю и путем правой веры и сообразной с ней добродетельной жизнью достигли бы вечного общения с Ним в Царствии бессмертия.

Свою высокую задачу хранительницы Истины Св. Православная Церковь и сегодня должна осуществлять через верность вверенным ей твердо, раз и навсегда Божественным догматам и канонам, во исполнение данного ей Спасителем неотменного обещания, что *врата адовы не одолеют ей* (Мф. 16, 18).

Догмат и канон

В церковной жизни принято называть **догматами** истины христианского учения, а **канонами** – предписания, относящиеся к церковному строю и управлению, к обязанностям церковной иерархии, священнослужителей и каждого христианина, вытекающим из нравственных основ евангельского и апостольского учения.

С первых дней своего существования Святая Церковь Христова неустанно заботилась о том, чтобы члены ее, ее дети, твердо стояли в чистой истине. *Больши сея не имам радости да слышу моя чада во истине ходяща* (3 Ин. 1, 4), – пишет апостол Иоанн Богослов.

Силуаном вам верным братом, яко нещую, в мале написах, моля и за свидетелствуя сей быти истинней благодати Божией, в нейже стоите (1 Пет. 5, 12), – заканчивает свое соборное послание апостол Петр.

Завещеваю ти соблюсти заповедь нескверну и незазорну (1 Тим. 6, 13–14); *образ имей здравых словес* (2 Тим. 1, 13), – неоднократно наставлял апо-

стол Павел своего ученика Тимофея. В псалмах ли Псалтири, в наших ли христианских молитвах одно из первых прошений – «наставить нас на путь веры, чтобы ходить во истине» Божией.

Истинный путь веры, всегда тщательно оберегаемый в истории Церкви, искони назывался **прямым, правым**; «истинная благодать Божия», о которой говорит апостол Петр, – «православием», «ортодоксией». Так, и в Псалтири воспевается правый путь: *Моя нога стоит на прямом пути* (Пс. 25, 12); *да воззрят очи Твои на правоту* (Пс. 16, 2); *правым прилично славословить* (Пс. 32, 1) и др. Апостол Павел поучает Тимофея представить себя перед Богом: *Старайся представить себя Богу достойным, делателем неукоризненным, верно преподающим слово истины* (2 Тим. 2, 15). Сам термин «православие» широко употреблялся еще в эпоху до Вселенских Соборов, в терминологии самих Вселенских Соборов и у отцов Церкви, как восточных, так и западных.

Наряду с прямым, правым путем веры, всегда бывали иномыслящие. Поиск истины приводил к разделением среди христиан.

Знакомясь с историей Церкви, а равно наблюдая современность, видим, что заблуждения, враждующие с православной истиной, появлялись и появляются: а) под влиянием других религий; б) под влиянием философии; в) по слабости и влечениям падшей природы, ищущей права и оправдания этим своим слабостям и влечениям.

Заблуждения укореняются и становятся упорными чаще всего в результате гордости людей, их защищающих, по гордости ума.

Чтобы охранять правый путь веры, Церкви предстояло выковывать строгие формы для выражения истин веры, возвести крепость истины для отражения чуждых Церкви влияний. Определения истины, объявленные Церковью, от дней апостольских называются догматами. В Деяниях Апостольских читаем об апостолах Павле и Тимофее: *И якоже прохождаху грады, предаваше им хранити уставы сужденныя от апостол и старец во Иерусалиме* (Деян. 16, 4; здесь разумеются постановления Апостольского Собора, описанного в 15-й главе Книги Деяний). В христианском понимании «догматы» противоположны «мнениям», то есть неустойчивым личным соображениям.

На чем основываются догматы? Ясно, что догматы основаны не на рассудочных соображениях отдельных лиц, даже если это отцы и учителя Церкви, а на учении **Священного Писания** и на Апостольском **Священном Предании**. Истины веры, заключающиеся в Священном Писании и в Апостольском Священном Предании, составляют полноту учения веры, именуемую древними отцами Церкви «соборной верой», «кафолическим учением» Церкви (кафолический – соборный). Гармонически сливающиеся в одно целое истины Писания и Предания определяют собою **«соборное сознание»**, руководимое Духом Святым.

В догматическом учении Православной Церкви мы утверждаемся также, углубляясь в содержание богослужебных книг.

ПОНЯТИЕ О ДОГМАТАХ

1. Значение термина «догмат»

Слово «догмат» происходит от греческого глагола *δοκέειν* – думать, полагать, верить (прошедшая форма – *δέδουμι* – этого глагола означает: решено, положено, определено). Догматами древние греки называли философские положения, принимаемые последователями какой-либо школы как аксиомы. Ими именовали уже устоявшиеся, бесспорные истины.

В последнем значении слово «догмат» употреблялось еще античными философами. Так, в трудах Платона («Государство») «догматами» называются правила и нормы, относящиеся к понятиям справедливого и прекрасного. Цицерон именуется «догматами» бесспорные философские положения. У Сенеки «догматы» – основы нравственного закона. Со временем этот термин стал употребляться и для обозначения постановлений государственной власти. В этом значении мы встречаем его в греческом тексте Евангелия от Луки (2, 1), где «догматом» названо повеление кесаря Августа сделать всенародную перепись. Но уже Апостол Павел употребляет слово «догмат» применительно к закону Божию (Кол. 2, 14; Еф. 2, 15). Понятие «догмат» вошло в употребление у христианских писателей для обозначения истин откровенной религии. Правда, первоначально этим словом обозначалось вообще все христианское учение – догматическое и нравственное. Так, «догматами» названы постановления Апостольского Собора 50 года. В Деяниях святых Апостолов сказано, что Апостолы Павел и Тимофей «передавали верным соблюдать определения (по греч. – *τα δόγματα*, т. е. «догматы»), постановленные Апостолами и пресвитерами в Иерусалиме» (Деян. 16, 4). То же широкое понимание термина встречается у святого Игнатия Богоносца, Иустина Философа, Климента Александрийского, Оригена. С IV века восточные отцы Церкви (например, святой Кирилл Иерусалимский, святой Григорий Нисский, святой Иоанн Златоуст, Блаженный Феодорит и др.) стали именовать «догматами» не все содержащиеся в Откровении истины, а лишь относящиеся к области веры. Так, святитель Григорий Нисский разделяет содержание собственного учения на «нравственную часть и на точные догматы» [1]. С течением времени в догматических системах Востока и Запада этим словом стали обозначать, как правило, только те вероучительные истины, которые обсуждались на Вселенских Соборах и получили соборные определения или формулировки.

---

¹ Филарет, архиеп. Черниговский. Православное Догматическое богословие. 3-е изд. СПб., 1882. Ч. 1. С. 4.

Догматы – богооткровенные истины, содержащие учение о Боге и Его Домостроительстве, которые Церковь определяет и исповедует, как неизменные и непререкаемые положения православной веры. Характерными чертами догматов являются их вероучительность, богооткровенность, церковность и общеобязательность.

2. Свойства догматов

Вероучительность означает, что содержанием догматических истин является учение о Боге и Его икономии. Догматы – истины, относящиеся к области вероучительной. По этому признаку они отличаются от других истин и постановлений христианской религии (нравственных, литургических, канонических). Например, во время Преображения Господня на Фаворе Бог Отец свидетельствовал из облака о Христе: *«Сей есть Сын Мой Возлюбленный»* (Мф. 17, 5) – истина догматического характера, – *«Его слушайте»* – заповедь (Мф. 17, 5). *«Господь Бог наш есть Господь единый»* (Мк. 12, 29) – догмат; и *«возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим...»* (Мк. 12, 30) – заповедь.

Богооткровенность характеризует догматы как истины, открытые Самим Богом. По своему содержанию они не являются плодом деятельности естественного разума, подобно научным истинам или философским утверждениям. Апостол пишет: *«Возвещаю вам, братия, что Евангелие, которое я благовествовал, не есть человеческое; ибо и я принял его и научился не от человека, но через откровение Иисуса Христа»* (Гал. 1, 11-12). Если философские, исторические и научные истины относительны и со временем могут уточняться, то догматы – это истины абсолютные и неизменные, ибо слово Божие есть истина (Ин. 17, 17) и пребывает вовеки (1 Пет. 1, 25). Если мы желаем приобщиться к Откровению, нам следует не догматы приспособлять к своему способу восприятия, но свой ум и сердце сделать способными к познанию вещей Божественных. Нельзя жить по-язычески и в то же время преуспевать в познании Премудрости Божией (Прем. 1, 4). *«Очистим чувства и узрим...»* [1]

Церковность догматов указывает на то, что только Вселенская Церковь на своих Соборах придает христианским истинам веры догматический авторитет и значение. Это не значит, что Церковь сама создает догматы. Она, как *«столп и утверждение истины»* (1 Тим. 3, 15) лишь безошибочно устанавливает за той или иной истиной Откровения значение неизменного правила веры. *«Догмат, – пишет прот. Г. Флоровский, – ни в коем случае не новое откровение. Догмат – это только свидетельство. Весь смысл догматического определения сводится к свидетельствованию непреходящей истины, которая была явлена в Откровении и сохранилась от начала»* [2]. На Вселенских Со-

---

¹ Канон Пасхи.

² Прот. Г. Флоровский. Богословские отрывки // Вестник. Париж, 1981. № 105-108. С. 185.

борах она формулирует догматы, т. е. придает им определенную словесную форму, облекая мысль Откровения в точные выражения, не допускающие ложных перетолкований. Например, если в Евангелии имеется немало текстов, говорящих о единстве Сына с Отцом (Ин. 10, 30; 14, 10 и др.), то в догматическом определении Первого Вселенского Собора совершенно точно сформулировано, в чем состоит это единство, а именно: Сын Единосущен Отцу. В процессе борьбы за чистоту православной веры святые отцы выработали богословскую терминологию, не встречающуюся в Библии, но зато позволяющую более четко выразить в слове богооткровенную истину. В «арсенал» богословия были введены такие новые термины, как Троица, Единосущный, Лицо, Ипостась, Богочеловек, Воплощение, Богородица и т. д.

В то же время Православной Церкви, в отличие от Римо-католической, чуждо стремление без особой на то необходимости что-либо догматизировать. Православные догматы формулировались и утверждались Вселенскими Соборами только при возникновении ересей. Догматические определения являются не столько положительным раскрытием учения о Боге, сколько указанием границ, за которыми находится область заблуждений и ереси. В своей глубине каждый догмат остается непостижимой тайной. «Православные догматы, – пишет проф. А. И. Введенский, – не суть путы для мысли, не кандалы... но разве лишь предохранительные определения, которыми Церковь хочет поставить разум человеческий в надлежащую перспективу, в которой для него открывалась бы возможность беспрепятственного и безостановочного движения вперед, с исключением опасностей уклонения в сторону, на пути обманчивые» [1].

Общеобязательность . В догматах раскрывается сущность христианской веры и упования. Нравственные истины, литургические, канонические обычаи и правила имеют для себя точку опоры в догматическом учении. Божественное Откровение говорит об исключительном значении истин веры для спасения человека. Так, отправляя Апостолов на всемирную проповедь, Христос повелел им научить народы вере в Троидного Бога, сказав: *«Идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа»* (Мф. 28, 19), – и прибавил: *«Кто будет веровать и креститься, спасен будет, а кто не будет веровать, осужден будет»* (Мк. 16, 16).

Апостолы также признавали веру в Живого Бога первым и необходимым условием спасения. *«Без веры угодить Богу невозможно, – пишет Апостол Павел, – ибо надобно, чтобы приходящий к Богу веровал, что Он есть, и ищущим Его воздает»* (Евр. 11, 6).

Непререкаемость вероучительных истин обусловлена их богооткровенностью, ибо Апостолы приняли учение не от человеков, но через откровение Иисуса Христа (Гал. 1, 12). *«Знаем, – говорит Апостол Иоанн, – что Сын Божий пришел и дал нам (свет и) разум, да познаем (Бога) Истинного и да*

---

¹ Архиеп. Василий (Кривошеин). Символические тексты Православной Церкви // БТ М., 1968. Сб. 4. С. 35.

будем в Истинном Сыне Его Иисусе Христе. Сей есть Истинный Бог и Жизнь Вечная» (1 Ин. 5, 20).

О значении догматов говорит тот факт, что, с древних времен и поныне, перед вступлением в церковную общину крещаемый должен во всеуслышание прочесть Символ веры, т. е. засвидетельствовать свою веру в догматические истины Православия. Апостол убеждает уверовавших твердо держаться евангельского учения, доколе все придем в единство веры и познания Сына Божия, в мужа совершенного, в меру полного возраста Христова (Еф. 4, 13). Кто отступает от однажды принятой апостольской веры, тот лишает себя спасения. История Православной Церкви знает множество примеров, когда ради сохранения чистоты своей веры святые подвижники шли на жестокие страдания и смерть. Христова Церковь прославляет их, как поборников православной истины. Догматы – незыблемые законы нашей веры. Если в литургической жизни отдельных Православных Поместных Церквей имеется некоторое своеобразие, то в догматическом учении между ними – строгое единство. Догматы обязательны для всех членов Церкви, поэтому она долготерпит любые грехи и слабости человека в надежде на его исправление, но не прощает того, кто упрямо стремится замутировать чистоту апостольского учения. Мы имеем строгое указание Апостола: *«Еретика, после первого и второго вразумления, отвращайся, зная, что таковой развратился и грешит, будучи самоосужден*» (Тит. 3, 10-11). Аналогично, против отвергающих основной христианский догмат – о Богочеловечестве Христа Спасителя, свидетельствует Апостол Иоанн: *«Всякий дух, который не исповедует Иисуса Христа, пришедшего во плоти, не есть от Бога, но это дух антихриста*» (1 Ин. 4, 3).

Если любой грех – следствие слабости воли, то ересь – «упорство воли» [1]. Ересь – упорное противление истине и как хула на Духа Истины непростительна. В постановлениях Шестого Вселенского Собора говорится: *«Аще кто не содержит и не приемлет догматов благочестия и не тако мыслит и проповедует, но покушается идти противу оных, тот да будет анафема по определению, прежде составленному святыми и блаженными отцами*» [2].

3. Богословское мнение

Опыт Церкви шире и полнее догматических определений. Догматизировано только самое необходимое и существенно важное для спасения. Остается еще немало таинственного и нераскрытого в Священном Писании. Это обуславливает существование богословских мнений. Мы их встречаем в творениях отцов Церкви и в богословских сочинениях. Богословское мнение должно заключать в себе истину, как минимум, непротиворечащую Откровению. Богословское мнение не является общецерковным учением, подобно

---

¹ Св. Игнатий (Брянчанинов). Отечник. СПб., 1870. С. 55.

² Филарет, архиеп. Черниговский. Цит. соч. С. 2.

догмату, но является личным суждением того или иного богослова. К разряду богословских мнений можно отнести, например, высказывания о двух- или трехсоставности человеческой природы; о том, как следует понимать бесплотность Ангелов и человеческих душ; об образе происхождения душ. В основном, частные мнения богословов касаются таинственных вопросов онтологии, которые, по замечанию святителя Феофана, в этом веке, видимо, так и не будут разрешены, как вопросы несущественные для нашего спасения. По словам святителя Григория Богослова, вопросы творения, искупления, последних судеб человека также принадлежат области, где богослову предоставлена известная свобода: «философствуй мне о мире или о мирах... о Воскресении, Суде, воздаянии, страданиях Христовых, ибо в таких предметах и достигать цели не бесполезно, и ошибаться безопасно» [1]. Безусловно, всякий произвол в богословии исключается. Критерием истинности того или иного мнения является его согласие со Священным Преданием, а критерием допустимости – не противоречие с ним. В основании православных и правомерных богословских мнений и суждений должны лежать не логика и рассудочный анализ, но прямое видение и созерцание. Это достигается через молитвенный подвиг, через духовное становление верующей личности... «То, что содержится в словах сих, – говорит преподобный Симеон Новый Богослов, – не должно быть называемо мыслями, но созерцанием истинно сущего, ибо мы говорим о том по созерцанию» [2].

В свою очередь, следует отличать от богословских мнений и такие богооткровенные истины, которые хотя и не догматизированы, но органично входят в Священное Предание Церкви и по своему значению не ниже догматов. Например, истины о сотворении Богом мира из «ничего» и о бессмертии человеческой души; вера в спасительную силу Таинств Церкви и в силу крестного знамения и т. п.

Наконец, в сочинениях некоторых отцов Церкви встречаются ошибочные богословские мнения, которые они, однако, никогда не отстаивали как непогрешимые. Например, святитель Григорий Нисский, следуя в этом Оригену, предполагал, что адские мучения не будут вечны. По окончании мучения грешники получают прощение. На вопрос: почему святые высказывали неправые мнения – святой Варсонофий Великий отвечает: «Не думайте, чтобы люди, хотя и святые, могли совершенно постигнуть все глубины Божии, ибо Апостол говорит: *«...Отчасти знаем и отчасти пророчествуем»* (1 Кор. 13, 9). Святые, получив утверждение свыше, изложили новое (свое) учение, но вместе с тем сохранили и то, что приняли от прежних учителей своих, т. е. учение неправое... Они (святые) не помолились Богу, чтобы Он открыл им относительно первых их учителей: Духом ли Святым внушено

---

¹ Св. Григорий Богослов. Цит. по: архиеп. Василий. Символические тексты в Православной Церкви // БТ. М. 1968. Сб. 4. С. 35.

² Прот. Г. Флоровский. Дом Отчий//Вестник. Париж, 1982. №109-112 С. 200, 203.

было то, что им преподавали, но, почитая их премудрыми и разумными, не исследовали их слов; и, таким образом, мнения учителей их перемешались с их собственным учением...» [1]

4. Догматы и нравственность

Важное значение догматического учения состоит не только в том, что оно ложится в основание умозрения или мировоззрения верующего, догматика указывает также цель и путь духовной жизни, направляет эту жизнь в определенном русле. Поэтому изменение человеком своей догматической позиции обуславливает соответствующее изменение всего строя его духовной жизни. Так, грех гордого отделения Римской Церкви от Вселенского соборного единства привел ее к разрыву со Священным Преданием неразделенной Церкви и обернулся глубинными повреждениями для духовной жизни Запада. И, хотя теперь не так-то просто проследить, как искажение того или иного догмата повлияло на духовность римо-католиков, т. к. воздействие на нее оказывал целый комплекс идей и причин, тем не менее, глубокая взаимосвязь характерных черт западной догматики и духовности, конечно, имеется. В. Лосский пишет: «О. Конгар [2] прав, когда говорит: «Мы [3] стали различными людьми. У нас Один и Тот же Бог, но мы перед Ним различные люди и не можем одинаково мыслить о природе наших к Нему отношений». Но, чтобы правильно судить об этом духовном различии, нам следовало бы рассмотреть его в наиболее совершенных выражениях – в типах святых Запада и Востока после разделения. Мы смогли бы тогда дать себе отчет о тесной связи, всегда существующей между догматом, исповедуемым Церковью, и духовными плодами, которые он порождает... Если политическая доктрина, преподанная политической партией, может в такой степени формировать умозрение, что появляются разные типы людей, отличающиеся друг от друга нравственными и психическими признаками, то, тем более, религиозный догмат может изменять самый ум того, кто его исповедует: такие люди отличаются от тех, что формировались на основе иной догматической концепции. Мы никогда не могли бы понять аспекта духовности какой-нибудь жизни, если бы не учитывали догматического учения, лежащего в ее основе. Нужно принимать вещи такими, какие они есть, и не пытаться объяснить разницу духовной жизни на Западе и на Востоке причинами этнического и культурного порядка, когда речь идет о наиважнейшей причине – о различии догматическом. Не нужно убеждать себя в том, что вопрос об исхождении Святого Духа или же вопрос природе благодати не имеет большого значения для христианского учения в целом, якобы остающегося более или менее одинаковым для римских католиков и, для православных. В таких основных догматах

---

¹ Преп. Варсонофий Великий и Иоанн. Руководство... Ответ 610. С. 387-388.

² Римо-католический богослов.

³ Католики и православные.

именно это «более или менее» и важно, ибо оно придает различный уклон всему учению, представляет его в ином свете, иными словами порождает иную духовную жизнь» [1].

Христова Церковь всегда признавала особую важность догматического учения в жизни христиан и порицала проявления всякого рода гносеоматии [2] и невежества. По словам митрополита Московского Филарета (Дроздова), «необходимо, чтоб никакую, даже в тайне сокровенную премудрость (мы) не почитали для нас чуждой и до нас принадлежащею, но со смирением устроили ум к божественному созерцанию и сердце к небесным ощущениям» [3].

Божественное Откровение свидетельствует о глубокой связи, существующей, в частности, между верой и христианской нравственностью, между догматами и заповедями. «Если пребудете в слове Моем, то вы истинно Мои ученики, и познаете истину, и истина сделает вас свободными», – учит Христос (Ин. 8, 31-32). Так, с одной стороны, глубина и совершенство христианского вероучения открываются человеку по мере его духовного роста, по мере исполнения им евангельских заповедей, а с другой стороны, познание Божественной истины освобождает нас от власти греха.

Вопреки этому, в конце XVIII в, в протестантской среде появились религиозно-философские теории, отрицающие значение догматов в христианской жизни. Адогматисты отвергали догматы веры или во имя нравственности (Кант, 1724-1804), или же во имя религиозного чувства и настроения (Шлейермахер, 1768-1834). Они полагали, что религия должна основываться не на догматах, а исключительно на нравственности или нравственном чувстве. Подобно им адогматисты XIX века (Ричль и Гарнак) сущность религии также видели в благочестивом христианском настроении.

Заблуждение адогматистов состояло в том, что они полагали возможным духовное возрождение человека своими силами. Тем самым косвенно отрицалась необходимость в Спасителе и в помощи благодати Божией в деле спасения. Так, Кант считал достаточным руководствоваться естественным разумом, который якобы находится под принудительным воздействием Всеобщего Закона, побуждающего нас поступать нравственно. Шлейермахер, напротив, предлагал воспользоваться сердечным чувством, которое безошибочно избирает добро. Обе данные теории не учитывают тот факт Откровения, что человек пал и в грехопадении исказилась его природа (разум, воля и чувство) [4]. Поврежденные силы души не могут правильно ориентировать человека в его нравственно-практической деятельности. «*Не то делаю, что хочу,*

---

¹ В. Лосский. Очерк мистического богословия Восточной Церкви // БТ. М., 1972. Сб. 8. С. 16.

² Гносеоматия – секта, отвергавшая необходимость для христиан всякого познания. Они считали, что не следует изучать Писание, т. е. Бог не требует от христианина ничего другого, кроме добрых дел. См.: Св. Иоанн Дамаскин. О ересьях // Творения. СПб., 1913. Т. 1. С. 147.

³ Митр. Московский Филарет. Слово в день обретения мощей святителя Алексия // Слова и речи. М., 1882, Т. 4 С. 148.

⁴ Свящ. А. Шаргунов. Догмат в христианской жизни // Троицкое слово. 1990. № 3. с. 14-25.

а что ненавижу, то делаю», – восклицает Апостол (Рим. 7, 15). Без веры во Христа невозможно стать духовно свободным. И только действием дарованной во Христе благодати человек может быть восстановлен и преображен.

Против тех, которые утверждают, что вся сила христианства заключается не в догматах, а в нравственном учении, следует сказать, что нравственность человека тесно связана с его догматическим сознанием. Без веры невозможна устойчивая нравственность. Повреждение догматического сознания часто приводит к повреждению в области нравственной жизни. Верно и обратное, порочность нравственной жизни ведет к омрачению и искажению догматического умозрения [1]. Так, неверие, нежелание языческого мира почтить и прославить Бога явились причиной того, что люди предали себя постыдным страстям (Рим. 1, 21-27). И наоборот, некоторые, отвергнув добрую совесть, потерпели кораблекрушение в вере (1 Тим. 1, 19). Святитель Кирилл Иерусалимский пишет: «Сущность религии состоит из следующих двух вещей: из точного познания догматов благочестия и из добрых дел; догматы без добрых дел неприятны Богу, не приемлет Он и дел, если они основаны не на догмах благочестия» [2]. Святые отцы не отделяли сферу сознания от духовной жизни человека. Не случайно к еретикам они относили одинаково и тех, кто искажает вероучение Церкви, и тех, «кто не хранит заповедей Христовых» [3].

Без правильных представлений о Боге и человеке нельзя понять призвания человека и почему он должен жить так, как предписывает заповедь, а не иначе. Так, заповедь Христова о покаянии становится понятной в свете догматического учения о грехопадении человека и его спасении, совершаемом в соработничестве с Богом. Святой Григорий Нисский, рассуждая о взаимоотношении догматов и заповедей (нравственных правил) приходит к заключению, что «догмат важнее и выше, чем заповедь». Догматы являются основанием морали. Они указывают человеку путь и средства к достижению тех обетований, которые даны в Божественном Откровении.

Что касается второго мнения, сводящего сущность христианства к области религиозного чувства и благочестивому настроению, то не вызывает сомнения тот факт, что само возникновение религиозного чувства возможно только при определенном представлении о Боге; в противном случае оно невозможно, как невозможно и чувство страха и радости, если нет налицо вызывающего их предмета или представления. Этой зависимостью религиозного чувства от догматического сознания объясняется, между прочим, то, почему религиозная жизнь складывается иначе у язычников, иначе у иудеев, иначе у магометан и иначе у христиан.

---

¹ Иеромон. Софроний. Старец Силуан. С. 60.

² Св. Кирилл Иерусалимский. Оглашение к новопросвещенным. 4, 2 // Христианское чтение. 1848. Ч. 1. С. 269.

³ Преп. Варсонофий Великий и Иоанн. Руководство... Вопрос 533. С. 342.

Христианство не ограничивается нравственным учением. Евангелие не является одним из сборников моралистических предписаний. Мораль, даже самая высокая, сама по себе не дает сил для исполнения ее требований. «...*Без Меня не можете делать ничего*», – говорит Спаситель (Ин. 15, 5). Лишь при содействии благодати Христовой человек может стать поистине нравственным человеком, который творит добро «чисто».

Вопросы для самоподготовки:

- Объясните, почему Церковь именуется хранительницей Божественного Откровения?
- Какая Церковь из всех ныне существующих всецело сохранила, без малейшего изменения, прибавления и убавления все вероопределения древних семи Вселенских Соборов? Как это можно обосновать?
- Что в жизни церкви принято называть канонами, а что догматами?
- Раскройте значение термина «догмат»? Назовите свойства догматов и объясните, что они означают?
- Что представляет собой богословское мнение?
- Раскройте взаимосвязь между догматами и нравственностью? Объясните, почему она неразрывна?